

История России: с древнейших времен до 1917 года

УДК 94(368)

DOI 10.25688/20-76-9105.2021.42.2.01

А. Е. Виноградов

Этногеография «Повести временных лет» и проблема локализации варягов

Этнический ареал варягов, упомянутых в летописях в качестве основателей русского государства, может быть определен при уточнении координат соседних с ними народов и территорий, перечисляемых в этногеографическом введении «Повести временных лет». Местоположение сопутствующих варягам племен обычно определяется как северо- или западноевропейское, однако такая локализация противоречит и летописным формам этнонимов, и историческим данным о географических знаниях Древней Руси. Такой этноним, как «агняне», является скорее этноконфессиональным термином, применяемым к населению южной части Прибалтики. Словом «галичане» обозначается славянизированная часть балтийского племени «галинды». Все это позволяет локализовать варягов на южной и восточной части побережья и островах Балтийского моря.

Ключевые слова: варяги; «Повесть временных лет»; этногеография; агняне; огнищане.

Вопрос об этнической природе варягов, несколько столетий не дающий покоя исследователям, неоднократно пытались решить при помощи различных, в том числе косвенных, географических данных. Важнейшим источником такого рода служит этнографическое введение «Повести временных лет» (далее — ЭВ, ПВЛ). Оно традиционно рассматривается, по выражению Г. С. Лебедева, как своего рода каталог племен Восточной Европы, служащий «определению их пространственной локализации», охватывая при этом еще и генеалогический, этнический, политический и морально-этический аспекты древней этнографии [17: с. 417].

Тема расселения варягов в Восточной Европе, обрисованная как русскими летописями, так и средневековой арабо-персидской литературой, затрагивалась нами в контексте археологических данных [5]. Однако с точки зрения решения проблемы представляет интерес и другой географический ареал, поскольку ЭВ рисует картину, безусловно, более широкую, чем восточноевропейская.

В частности, там фиксируется факт расселения варягов не только на востоке, но и по Балтийскому морю к западу, «до земле Агнянски и до Волошски». Тот же источник через призму библейского сюжета о происхождении народов причисляет названия *агняне*, *вольхва* вместе с *галичанами* и др. к числу «Афетовых» этнонимов [32: с. 2–3].

Эта картина для позднейших исследователей явилась предметом спора. Согласно С. М. Соловьеву, агняне — это англичане, галичане же, возможно, жители Уэльса, а вольхва — общее название всех романских народов [36: с. 92]. По мнению С. П. Толстова, все три народа локализуются на «крайнем западе Европы» [37: с. 12]. С точки зрения Т. Л. Вилкул и С. Л. Николаева, в ЭВ приводится описание пути сначала по Балтике, в том числе вдоль скандинавского берега, и затем из Англии мимо Испании в Средиземное море [4: с. 155]. Как считает Е. А. Мельникова, указанная локализация варягов позволяет уточнить статус их этнонима как собирательного термина всех скандинавских народов [21: с. 93].

По предположению И. Е. Забелина, локализация «земли Агнянской» в Британии в данном случае менее вероятна, чем отождествление ее с «древнею Англиею» в Ютландии [8: с. 136]. И по А. Г. Кузьмину, агняне — «традиционное население юга Ютландии», остатки англов, уцелевшее на старой родине после массового переселения на Британские острова. Такая привязка этнонима позволяет локализовать варягов в области балтийских славян [12: с. 207–208]. Трактовку понятия «агняне» и как англов в балтийском Шлезвиге, и как жителей Англии допускает Л. Мюллер [49: s. 5].

Подтверждение английско-британской версии прочтения ЭВ пытались найти в иудейском источнике X века «Иосиппон», в классических переводах которого будто бы упоминается «Русси, Бошни и Ангlesi, живущие по великому морю». Однако напрашивающееся тождество второго народа с боснийцами делает такую схему недействующей: все три этноса «трудно разместить на одном море» [30: с. 45]. В новом варианте перевода того же места: «Мешех — это Саксания. Тирас — это Руси. Саксани и Энгlesi живут на великом море. Руси живут на реке Кива, впадающей в море Гурган. Алиша — это Алемания...» (цит. по: [30: с. 52]) — очевидно, что этот текст сложно привлечь для проверки данных ЭВ из-за отсутствия географической последовательности: Саксония, Днестр, Киев, Каспийское море и Германия перечисляются там в совершенно произвольном порядке.

Английская версия порождает вопросы и в отношении формы «агняне». В этой связи Т. Л. Вилкул и С. Л. Николаев поправляют ЭВ Лаврентьевской летописи (ЛЛ): дескать, написание «агняне» там неправильное в отличие от «агляне» Ипатьевской летописи (ИЛ) [4: с. 150] (при этом указывается положение аглян среди других народов, упомянутых в ЭВ, как несоответствующее населению Британских островов, что предполагает здесь некорректную редактуру [4: с. 154]). В переводе ПВЛ Д. С. Лихачева и О. В. Творогова агняне и Агнянская земля безоговорочно предстают как англы и Английская

земля [31: с. 10]. Аналогичную однозначную этническую трактовку приводят и многие зарубежные переводчики ПВЛ [52: р. 52; 47: р. 2].

Примечательно, что та же картина наблюдается и в отношении другого хоронима/этнокона начальных глав ПВЛ — Вритании (Вротании), — однозначно переводимой и трактуемой как Британия/Британские острова [31: с. 10; 52: р. 51, 57; 49: с. 4, 15]; перевод Л. Леже (Bretagne) [47: р. 2, 11] допускает или такую же трактовку термина или его семантику, как Бретань. Между тем летописец/компилятор помещает Вританию в совершенно другой географический контекст (островов Средиземного моря), а в другом месте сообщает о языческих брачных обычаях, принятых там [32: с. 7]. Все это явно сближает этникон с именованнием Вретанийской епископии сербской православной церкви, как и католики, боровшейся за влияние в Южной Далмации, Пагании Константина Багрянородного, где долго держалось язычество. Еще один этноним из ЭВ — «корлязи» — отождествляется с подданными Западных Каролингов, теми же французами [29: с. 88], однако и русская устная традиция помещала короля корлятского в землю вятскую (конъектура В. Ф. Миллера предполагает «лядскую» [22: с. 268], но и она исключает Запад Европы и оставляет этноним загадочным).

Все это актуализирует вопрос о степени знакомства авторов ЭВ с Западной ойкуменой Средневековья.

Как отмечал И. Н. Данилевский, страны Западной Европы (с которыми, дескать, летописец был знаком благодаря матримониальным связям Рюриковичей и контактам с католическими миссионерами) в «Повести временных лет» практически не упоминаются. Однако народы, эти страны населяющие, присутствуют в «Афетовом» перечне ЭВ (в том числе агняне и галичане) благодаря цитатам из византийских источников [7: с. 193, 345].

Исследователь Е. А. Мельникова, наоборот, указывает, что византийским, как и другим источникам культурной части Европы, Север и значительная часть Запада Старого Света была до XIII века незнакома. «Для древнерусских же летописцев — это хорошо знакомая область мира» [21: с. 83].

В любом случае исследователи сталкиваются с парадоксом: определенных стран в ЭВ нет, но есть упоминание о населяющих их народах, причем авторам известных на Руси географических трактатов, незнакомых или малознакомых, чья локализация на византийских *mapae mundi* затруднена. Испания и Галлия лишь мелькают в одном из источников ЭВ — «Хронике Георгия Амартола» — совершенно в другом географическом ряду (Южной Европы) [18: с. 197]. Альтернативу — устные свидетельства путешественников для описания народов по пути в Рим — предполагал А. А. Шахматов [45: с. 75] и предполагают Т. Л. Вилкул и С. Л. Николаев [4: с. 155]. Однако в рамках средневековых реалий летописная фиксация устной информации о тогдашнем крае земли, выстроенной в единый северный географический ряд, представляется практически недоказуемой. Что касается указанного парадокса, то он возникает лишь

при прочтении загадочных этнонимов из ЭВ как далеких западноевропейских. На наш взгляд, в случае более близкого к Руси местоположения агнян, галичан, Волошской земли картина получается ясной.

Русская письменная традиция не знала варианта такого воспроизведения этнонима «англичане», как «агняне». Соответствующими формами в начале активных русско-английских контактов в XVI веке были «Ангилея», «Аглинская земля» и «агличане», «англинцы» [34: с. 479]. При этом «агняне» в этнографическом введении ЛЛ, во-первых, упомянуты дважды (как этнос и как территория), во-вторых, ЛЛ представляет собой «древнейший точно датированный список не только “Повести временных лет”, но и вообще какой-либо древнерусской летописи» [1: с. 198], что увеличивает вероятность фиксации там подлинных древних форм. Что касается *анггян* в «Сказании о призвании варягов», вошедшем, в частности, в ту же ЛЛ, то представляется правильной мысль А. А. Шахматова о том, что эта форма, как и ряд других, является позднейшей вставкой, призванной разъяснить ряд мест начальной летописи, так как их понял и трактовал по своему усмотрению редактор [45: с. 74]. Правильно ли он их понял и в какое время сделана вставка — другой вопрос, но, во всяком случае, форма «анггяне / агляне» представляется не самой близкой к оригиналу.

Примечательно, что в ИЛ и прочих более поздних списках появляются и другие варианты — *агаяне* и даже *агаряне*, — что было обычным обозначением восточных мусульманских народов, и т. д. Вероятно, по мере забвения старого значения этнонима «агняне» русская летописная школа стала искать варианты его толкования, в том числе вызванные развитием контактов с Британскими островами (так же, как это произошло с формой «Вритания», в XVII веке действительно ставшей обозначать указанные острова).

В свете этого утверждения, очевидно, древнерусские хронисты, описывая области и народы, которых не касались переводимые на Руси авторы, должны были использовать какие-то свои, отличные от византийских и западноевропейских, источники знаний. И что касается описаний ближайших к Руси территорий, на наш взгляд, вероятность использования в ЭВ устных свидетельств купцов (своих или чужих) или воинов возрастает.

В этой связи вызывает интерес факт совпадения формы «агняне» не с германскими, а с западнорусскими (белорусскими) лексемами, означающими «огненные». Письменное аканье в западнорусских памятниках развилось далеко не сразу [23: с. 47], но другое дело устная речь. По мнению Г. А. Хабургаева, аканье, как и другие подобные феномены, вероятно, существовало в западнорусской речи еще до распада древнерусской народности, не отражаясь до поры до времени в известных нам письменных памятниках [41: с. 12].

Использование западнорусских источников информации в других уголках Древней Руси не новость. ИЛ воспроизводила сообщения галицко-волинского свода [44: с. 17], в первом общерусском митрополическом своде были использованы западнорусские/литовские источники с оценками и известиями

о деяниях Ольгерда, Кейстута и др. [33: с. 188]. Очевидно, устная информация с запада восточнославянской периферии использовалась не менее активно. Что касается воспроизводства «акающих» форм, возможно, западного происхождения, то оно встречалось и в московской письменности (Сийское Евангелие XIV века).

Но если семантика «агняне = огненные» теоретически допустима, что это могло означать в конкретном контексте ЭВ? Нельзя не вспомнить о полемике созвучного сословного термина «огнищане». По мнению В. В. Мстиславского, он отражал в том числе религиозную символику огня, представители сословия были «потомками... владык народа, молившегося огню» [24: с. 24, 29–30, 34]. На основании того, что огнищане в последней трети XII и первой трети XIII веков «являлись решительно первым сословием в Новгороде», упоминавшимся всегда первым, они стояли выше бояр и жили на берегах Волхова обособленно от других сословий, Мстиславский считал, что это были наследники «князей славянских».

Однако, на наш взгляд, сравнение роли ритуалов поклонения огню у славян и некоторых их соседей не может говорить о приоритете славянской версии. У славян значительная и наиболее стойкая степень «огнепоклонства» проявлялась, как правило, в изначально балтских и граничащих с ними ареалах расселения (огненный культ в Средневековье в Подляшье южнее Мазурских озер [53] и в Белоруссии до недавнего времени [9: с. 24, 91]). У балтов же действительно была в некотором роде «огненная религия».

В духовной жизни пруссов огонь занимал важное место: его почитали как священное пламя, главный бог Перкуно изображался с пламевидными волосами, в главном святилище Ромове горел негасимый огонь, мотив огненной смерти занимал основное место в религиозно-административном кодексе «Семнадцать заповедей Видевута» [13: с. 209–210].

Византийские источники XIV века именуют литовского князя Ольгерда огнепоклонником (*πορσολάτρης*), соответствующая характеристика дана и в отношении его подданных, «скверно и безбожно поклоняющихся огню» [20: с. 177, 339, 359]. Те же определения в адрес «рода литовского, огню... служаще» содержат и западнорусские источники [42: с. 21]. Именно западнорусской традиции эта тема и соответствующий термин, очевидно, наиболее близки, так как у белорусов надолго сохранилось привнесенное от балтов сакральное культовое значение огня, что заметно по текстам заговоров: «цар агняны» [2: с. 23], «агняны — на агонь, вадзяны — на ваду» [6: с. 191].

Факт огнепоклонничества средневековых балтов, возможно, зафиксирован и у Гервасия Тильберийского, который в начале XIII века отметил между Польшей и Ливонией языческое племя ярменсов (*Jarmenses*). В последнем пытаются видеть ятвягов [19: с. 68], однако лингвистическая слабость такой гипотезы вынуждает постоянно искать другие варианты. В частности, первая часть этнонима заставляет обратить внимание на прасл. **jaŕ*, которой М. Фасмер

находил параллели и вплоть до другой индоевропейской (греческой) лексемы со значением «огненный» [40: с. 562–563]. Вполне вероятно, что информация об этнической ситуации между Польшей и Ливонией до англичанина Гервасия доходила через нескольких посредников, включая славян и немцев, и в результате название далекого народа было отражено на языке соседей, зафиксировавших этноним, семантически соответствующий агнянам.

Другое дело соционим «огнищане», который мог отражать ту же семантику, но в балтийском ключе, отражая близость формы «огонь» и литовского аналога *ugnis*. Факты сохранения окончания *-is* в том или ином виде при заимствовании существительных и прилагательных в восточнославянские языки не единичны (пукас, ванчес, ужкурис, ваганас, вейкаліс и др [15: с. 20, 28, 34, 63, 64]); более того, хотя и редко, но встречаются и случаи прибавления к окончанию славянского суффикса [16]. Совмещение с лексемой «огнище», имевшей мало общего с элитным сословием, могло носить уже народно-этимологический характер. То, что не только название древнерусского сословия, но и оно само могло иметь балтийские корни, подтверждает факт существования Прусской улицы в Новгороде, где оседали выходцы из юго-восточной Балтики, личного имени Ятвяг и, возможно, других антропонимов, а также соционимов Древней Руси, чье балтийское происхождение отстаивал (пусть и не всегда убедительно) еще Н. И. Костомаров [11: с. 15–17].

Что же касается формы «агняне», она, видимо, отражала западнорусский термин, означавший племя огнепоклонников. Такая «этнизация» религиозной лексики вполне вписывалась в традиции Средневековья. Παγανία, *Paganía*, «страна язычников» — этникон, упомянутый Константином Багрянородным в контексте славянской Далмации [48: с. 152]. «Ал-Маджус», т. е. «маги», «огнепоклонники» — заимствованный у персов термин арабы использовали в качестве обозначения различных языческих народов.

В этом религиозно-языческом контексте закономерна пропажа термина «агняне» в списках ПВЛ после XIV века, когда Литва и Пруссия были крещены и традиции их отождествления с огнепоклонниками забылись.

Следует отметить, что и термин «варяги» в своем оригинальном значении едва ли не последний раз отмечается в контексте событий второй половины XIV века в связи с военными приготовлениями Ольгерда, и, что характерно, в привязке к исключительно балтийским народам Литвы и «жемоти» [35: с. 315]. Можно предполагать, что именно в XIV веке завершается процесс ассимиляции варягов окружающими народами, отраженный в «Сказании о призвании варягов», где мало того что вместо агнян находятся уже агляне, последние как будто включаются наравне со свеями, урманами, готами и русью в состав варягов.

Однако ЭВ описывает еще совершенно другую этногеографическую ситуацию, определить которую можно при локализации и идентификации других этнонимов, упомянутых в ЭВ. В первую очередь это *галичане*. В них видят

если не галлов или коренных обитателей Британии, то галисийцев на Пиренеях [37: с. 12].

Однако все указанные локализации и идентификации обладают серьезными недостатками. В выстраиваемой якобы за составителем ЭВ пространственной цепочке от Балтики мимо Британских островов и Испании [4: с. 155] пропущен такой серьезный элемент, как «Дания» («Донская», «Датская» земля в новгородских и московских источниках). Замена его на «Англию» в ПВЛ маловероятна, потому что полуостров целиком так никогда не назывался, а его «древнеанглийская» часть слишком ничтожна, чтобы быть отмеченной источником русского летописца: топонимический наследник первоначальной области англо в Ютландии, современная область Ангельн занимает лишь 2 % ее общей площади.

То, что рядом с «агняны» упоминаются «Пруси» (а далее и Литва, и другие балтийские племена), которые «приседать» к Варяжскому морю, на наш взгляд, вписывается в общую логику исследований этногеографии ПВЛ, также реконструирующих употребление синонимов (Вритания/Англия) или обобщающих терминов рядом с обобщаемыми (варяги – свеи и др.).

Что касается отождествления с галичанами жителей Галлии, то оно сталкивается с затруднением: этнонимы, образованные с помощью славянского патронимического суффикса -ич-, в древнерусской литературе относились к иноэтничным, но затем славянизированным племенам [43: с. 202; 41: с. 196]. В эпоху составления первых сводов ПВЛ Францию лишь изредка называли Галлией и в Западной Европе [26: с. 416]. Название же пиренейской Галисии, да и вообще детальная топо- и хоронимия крайнего запада Европы, едва ли были знакомы в Древней Руси. Что могли добавить в эту копилку знаний династические связи Рюриковичей, остается большим вопросом, так как в собственно русских источниках сведений об этих связях, как и их фигурантах, нет. Первые подробные сведения о дальних частях Старого Света появляются уже в Московскую эпоху, с миссией Я. И. Полушкина к Карлу V, а затем с переводами атласов и трактатов, выходивших за рамки античной географии [2; 27: с. 501, 503].

Однако употребленный в ЭВ этникон «галичане» точно совпадает с аналогичным термином, впервые употребленным в ЛЛ под 1138 годом в отношении одной из частей войска Ярополка Владимировича [32: с. 132]. Конечно, карпатская Галиция сама по себе слишком далека от ареала «летописных» галичан, которых лишь земля агнян отделяла от Балтики. Вместе с тем, согласно В. Н. Топорову, названия «Галиция», «галичане» связаны с этнонимом «галинды», некогда, судя по следам в топо- и гидронимии, ономастике, занимавших территорию от Пруссии до польско-чешского пограничья и Западной Украины [39: с. 131–133; 38: с. 123–124]. С этнонимом «галинды» связывают Golenzici «Баварского географа» [25: с. 51], локализуемых у истоков Одры [12: с. 128].

Некогда широкое распространение галиндов косвенно подтверждает «Хроника Петра из Дусбурга», согласно которой на каком-то этапе это племя

размножилось до такой степени, что «земля их не могла никак вмещать их» [28: с. 50]. Исходя из общей истории взаимоотношений балтов и славян, включающих постепенную ассимиляцию первых вторыми на огромной территории Центральной и Восточной Европы, нетрудно предположить, что и западных галиндов постепенно постигала та же участь, причем славянизировался и этноним, подобно понятию «кривичи» (от *балт. Krieva*, по некоторым гипотезам [43: с. 201–202]).

Вопрос в том, как этноним «галинды» мог воспроизводиться у восточных славян, у которых носовые звуки, во всяком случае после X века, отсутствовали. Так, Г. А. Хабургаев воспроизводит изначальное произношение *Λενξανῖνοι* Константина Багрянородного, как лучане [41: с. 187]. Предполагаем, что под пером летописца *Golenzici*-галинды могли приобретать вид «галичане», хотя бы для отличия от родственного им в плане происхождения этнонима «голядь».

Что касается еще одной границы ареала варягов — Волошской земли, — то ее идентификация, очевидно, связана с волохами, которые, согласно летописям, напали на дунайских славян и притесняли их [32: с. 7]. Исследователи А. А. Шахматов и В. Я. Петрухин отождествляли волохов с франками, совершавшими завоевательные походы на Аварский каганат и его славянских сателлитов [44: с. 29; 29: с. 88]. По нашему мнению, Волошскую землю можно идентифицировать как Священную Римскую империю, безуспешно пытавшуюся распространить свою власть в том числе на южную часть Прибалтики: еще Эйнхард в биографии Карла Великого утверждал, что тот распространил свое влияние на «все варварские и дикие» народы между Рейном, Вислой, Дунаем и Океаном [50: р. 15]. Вместе с тем форма «волхва», упомянутая в ЭВ для обитателей балтийской Волошской земли, близкая славянским «волхв», «влхва», *võlha* может свидетельствовать о том, что эта земля воспринималась в Древней Руси как типичная для славянского и вообще индоевропейского фольклора далекая, малознакомая, сказочная территория.

Описанный в ПВЛ и, вероятно, отражавший реальные торговые пути маршрут по Двине в Варяги и далее в Рим [32: с. 3] также позволяет подтвердить вышеуказанную локализацию варягов. Путь по Западной Двине и Рижскому заливу соответствовал одному из этапов янтарного торгового пути между Балтикой и Восточной Европой. В свою очередь, этноним «варяги» мог означать в данном контексте племя, контролировавшее вход в Вислинский залив, поскольку именно по нему и далее на юг вплоть до Италии шел знаменитый еще с Древнего Рима путь, именуемый современными исследователями как Великий янтарный торговый. Прерванный гуннским нашествием, в аварскую эпоху он возобновляется [14: с. 71, 73, 75]. Судя по сохраняющимся и после X века связям висленских торговых поселений с Богемией [46: р. 32], с которой поддерживали активные контакты венецианские купцы [54], этим знакомым столетиями маршрутом было бы логично воспользоваться для путешествия из Восточной Прибалтики в Рим.

Указанную локализацию варягов могут маркировать топонимы, включая выявленные еще Р. Экблумом Varežin в Литве, Waregovice в Польше [51:с. 185–199], возможно, и Wargenava в Восточной Пруссии, и вплоть до Varangu в Северной Эстонии. Археологически тот же ареал может быть сопоставим с древностями этнических групп, продвинувшихся в конце римской эры – начале Средневековья из дунайских регионов в районы от устья Вислы, Нижнего Понеманья, Мазурского поозерья вплоть до островов Балтии [5: с. 12].

Таким образом, по нашему мнению, географическое соседство «Агнянская – Волошская земля» существовало не в районе Ла-Манша, или Ютландии, как полагают большинство исследователей, а на южном берегу Балтики. Такая узкая локализация позволяет уточнить и местоположение летописных варягов и вновь поставить вопрос относительно их этнической природы.

Литература

1. Бобров А. Г. Лаврентьевская летопись. Факсимильное издание. СПб.: Росток, 2017. 352 с.; Лаврентьевская летопись. Текст. Перевод. Исследования / подгот. текста, пер. и исслед. Г. М. Прохорова. СПб.: Росток, 2017. 752 с. // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 1 (90). С. 198–201.
2. Болдырева Н. А. Историко-топографический трактат Уильяма Кемдена «Британия» в русских переводах XVII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2020. 29 с.
3. Вергеенко С. А. Амбивалентность образа домового в заговорном жанре // Українські студії в європейському контексті. 2020. № 2. С. 20–25.
4. Вилкул Т. Л., Николаев С. Л. Русь в перечнях народов «Повести временных лет» и вне их // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2020. № 1 (27). С. 138–160.
5. Виноградов А. Е. Культура длинных курганов в свете варяжской проблемы // Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки. 2020. № 1. С. 8–20.
6. Володина Т. В., Лобач В. А. Мифологический статус и ритуальные функции леса в народной медицине белорусов // Acta Linguistica Petropolitana. 2010. Т. 6. № 1. С. 190–199.
7. Данилевский И. Н. Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописного текста. М.: Аспект Пресс, 2004. 370 с.
8. Забелин И. Е. История русской жизни с древнейших времен. Ч. I. М.: Тип. И. К. Грачева, 1876. 647 с.
9. Коваль В. И. Мифологические верования восточных славян. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2016. 271 с.
10. Коматина П. Славянские этнонимы «Баварского географа»: историко-лингвистический анализ // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2020. № 1 (27). С. 106–137.
11. Костомаров Н. И. Начало Руси. СПб.: Тип. К. Вульфа, 1860. 32 с.
12. Кузьмин А. Г. Начало Руси. М.: Вече, 2003. 432 с.
13. Кулаков В. И. История Пруссии до 1283 года. М.: Индрик, 2003. 432 с.
14. Кулаков В. И. Янтарь — экономический и культурный феномен в истории эстив и пруссов // Слово.ру. Балтийский акцент. 2014. № 1. С. 69–79.
15. Лаучюте Ю. А. Словарь балтизмов в славянских языках / Акад. наук СССР, Ин-т языкознания. Л.: Наука. Ленинградское отд-ние, 1982. 211 с.

16. Лаучюте Ю. А. Словообразовательный аспект лексических заимствований (на материале славянских балтизмов). С. 127–131. URL: <https://iling.spb.ru/pdf/des/127lau.pdf> (дата обращения: 17.03.2021).
17. Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб.: Евразия, 2005. 640 с.
18. Матвеев В. А., Щеголева Л. И. Временник Георгия монаха (Хроника Георгия Амартола). Русский текст, комментарий, указатели. М.: Богородский печатник, 2000. 542 с.
19. Матузова В. И. Английские средневековые источники IX–XIII вв.: Тексты, переводы, комментарии. М.: Наука, 1979. 268 с. (Древнейшие источники по истории народов СССР).
20. Мейендорф И. Византия и Московская Русь: Очерк по истории церквей и культ. связей в XIV в. / пер. с англ. (Самиздат). Paris: YMCA-press, 1990. 442 с.
21. Мельникова Е. А. Пространственная ориентация в «Повести временных лет» // Древнейшие государства Восточной Европы. 2006 год. Пространство и время в средневековых текстах / РАН, Ин-т всеобщей истории; ответ. ред. тома Г. В. Глазырина. М.: Русский фонд содействия образованию и науке: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2009. С. 73–94.
22. Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности. Т. 1. Былины I–XVI. М.: Тип. И. Д. Сытина, 1897. 464 с.
23. Мойсиенко В. М. Этноязыковая принадлежность «русской мовы» во времена Великого княжества Литовского и Речи Посполитой // Славяноведение. 2007. № 5. С. 45–64.
24. Мстиславский В. Огнищанин и князь муж, или Следы быта древних славянских князей в Русской правде: ист.-критич. очерк. М.: Унив. тип., 1861. 39 с.
25. Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков: тексты, переводы, комментарии / [РАН, Ин-т рос. истории]. М.: Наука, 1993. 240 с. (Древнейшие источники по истории Восточной Европы).
26. Николаев С. Л. Семь ответов на варяжский вопрос // Повесть временных лет / пер. Д. С. Лихачева, О. В. Творогова; коммент. А. Г. Боброва, С. Л. Николаева, А. Ю. Чернова при участии А. М. Введенского и Л. В. Войтовича. СПб.: Вита Нова, 2012. С. 398–439. (Библиотека Всемирного клуба петербуржцев).
27. Николенкова Н. В. Античная география в латинском тексте Атласа Блау и в церковнославянском переводе XVII в. // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 4 (71). С. 500–506.
28. Петр из Дусбурга. Хроника Земли Прусской: [перевод] / изд. подгот. В. И. Матузова; [РАН, Ин-т рос. истории]. М.: Ладомир, 1997. 387 с.
29. Петрухин В. Я. Русь в IX–X веках: от призвания варягов до выбора веры / Ин-т славяноведения РАН. М.: Форум: Неолит, 2011. 464 с.
30. Петрухин В. Я. Славяне и Русь в «Иосиппоне» и «Повести временных лет». К вопросу об источниках начального русского летописания (с публикацией источника) // Славяне и их соседи. Вып. 5. Еврейское население в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе. Средние века – новое время. М.: Наука, 1994. С. 44–56.
31. Повесть временных лет / пер. Д. С. Лихачева, О. В. Творогова; коммент. А. Г. Боброва, С. Л. Николаева, А. Ю. Чернова при участии А. М. Введенского и Л. В. Войтовича. СПб.: Вита Нова, 2012. 512 с. (Библиотека Всемирного клуба петербуржцев).

32. Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографическою комиссиею. Т. 1: I. II. Лаврентьевская и Троицкая летописи. СПб.: Тип. Э. Праца, 1846. 298 с.
33. Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб.: Д. Буланин, 1996. 325 с. (Studiorum slavicoorum monumenta / РАН, Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом). Т. 11).
34. Путешествия русских послов XVI–XVII вв.: Статейные списки / [подгот. Я. С. Лурье и Р. Б. Мюллер; отв. ред. Д. С. Лихачев]. СПб.: Наука, 2008. 479 с. (Литературные памятники/ Акад. наук СССР).
35. Сказание о Мамаевом побоище // За землю Русскую! Памятники лит. Древ. Руси XI–XV вв. / сост., вступ. статья, коммент., подбор миниатюр Ю. К. Бегунова. М.: Советская Россия, 1981. С. 282–357.
36. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. 5-е изд. Т. 1. М.: Унив. тип. (Катков и К^о), 1874. 360 с.
37. Толстов С. П. «Нарцы» и «Волохи» на Дунае (Из историко-этнографических комментариев к Нестору) // Советская этнография. 1948. № 2. С. 8–38.
38. Топоров В. Н. Балт. *Galind в этнолингвистической и ареальной перспективе // Проблемы этнической истории балтов: тезисы докл. / [ред. коллегия: А. К. Бирон (отв. ред.) и др.]. Рига: Зинатне, 1977. С. 122–126.
39. Топоров В. Н. Галинды в Западной Европе // Балто-славянские исследования 1982: ежегодник / АН СССР, Ин-т славяноведения и балканистики. М.: Наука, 1983. С. 129–138.
40. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. О. Н. Трубачева. Т. 4. М.: Прогресс, 1987. 867 с.
41. Хабургаев Г. А. Этнонимия «Повести временных лет» в связи с задачами реконструкции восточнославянского глоттогенеза. М.: МГУ, 1979. 232 с.
42. Хоруженко О. И. О вероисповедании литовского великого князя Ольгерда // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2016. Вып. 1 (13). С. 11–29.
43. Шадыро В. И. Этнокультурная ситуация на севере Беларуси накануне образования Полоцкого государства (лингво-археологический аспект) // Этнокультурные процессы на территории Беларуси в I – начале II тыс. нашей эры: материалы Междунар. науч. конф., посвященной 90-летию профессора Э. М. Загорульского (г. Минск, 6–7 декабря 2018 г.). Минск: БГУ, 2018. С. 200–207.
44. Шахматов А. А. «Повесть временных лет» и ее источники // Труды отдела древнерусской литературы. Т. IV. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 9–150.
45. Шахматов А. А. Сказание о призвании варягов. СПб.: Тип. Академии Наук, 1904. 82 с.
46. Bogucki M. The archaeological Context of the Bodzia Cemetery and the Trade Route along the Middle and the Lower Vistula during the Middle and Late Viking Period // Bodzia: A Late Viking Age Elite Cemetery in Central Poland / ed. A. Buko. Leiden-Boston: Brill, 2015. P. 9–33.
47. Chronique dite de Nespor / trad. par L. Leger. Paris: E. Leroux, 1884. XXVIII + 399 p.
48. Constantinus Porphyrogenitus. De administrando imperio / ed. Gy. Moravcsik. Washington: Dumbarton Oaks, 1967. 342 p.
49. Die Nestorchronik. Übersetzt von L. Müller. München: W. Fink, 2001. XXXVII + 366 s.

50. Einhardus. Vita Karoli Magni. Hannoverae: Impensis bibliopolii Hahniani, 1905. 52 p.
51. Ekblom R. Die Warager im Weichselgebiet // Archiv für Slavische Philologie. Berlin, 1925. Bd. 39. P. 185–211.
52. The Russian Primary Chronicle Laurentian Text / tr. and ed. by S. H. Cross, O. P. Sherbowitz-Wetzor. Cambridge; Massachusetts: The Medieval Academy of America, 1953. 313 p.
53. Wawrzeniuk J. The Role of Fire in the Posthumous Customs of Podlachia on Border of Poland and Belarus // Studia Myphologia Slavica. 2020. Vol. 23. P. 159–170.
54. Zaoral R. Silver and Glass in Medieval Trade and Cultural Exchange Between Venice and the Kingdom of Bohemia // The Czech Historical Review. 2011. Iss. 109. P. 284–310.

Literatura

1. Bobrov A. G. Lavrent'evskaya letopis'. Faksimil'noe izdanie. SPb.: Rostok, 2017. 352 s.; Lavrent'evskaya letopis'. Tekst. Perevod. Issledovaniya / podgot. teksta, per. i issled. G. M. Proxorova. SPb.: Rostok, 2017. 752 s. // Vestnik Rossijskogo fonda fundamental'ny'x issledovanij. Gumanitarny'e i obshchestvenny'e nauki. 2018. № 1 (90). S. 198–201.
2. Boldy'reva N. A. Istoriko-topograficheskij traktat Uil'yama Kemdena «Britaniya» v russkix perevodax XVII v.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. M., 2020. 29 s.
3. Vergeenko S. A. Ambivalentnost' obraza domovogo v zagovornom zhanre // Ukraïns'ki studii v evropejs'komu konteksti. 2020. № 2. S. 20–25.
4. Vilkul T. L., Nikolaev S. L. Rus' v perechnyax narodov «Povesti vremenny'x let» i vne ix // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2020. № 1 (27). S. 138–160.
5. Vinogradov A. E. Kul'tura dlinny'x kurganov v svete varyazhskoj problemy' // Vestnik MGPU. Seriya: Istoricheskie nauki. 2020. № 1. S. 8–20.
6. Volodina T. V., Lobach V. A. Mifologicheskij status i ritual'ny'e funkcii lesa v narodnoj medicine belorusov // Acta Linguistica Petropolitana. 2010. T. 6. № 1. S. 190–199.
7. Danilevskij I. N. Povest' vremenny'x let: germenevticheskie osnovy' istochniko-vedeniya letopisnogo teksta. M.: Aspekt Press, 2004. 370 s.
8. Zabelin I. E. Istorija russkoj zhizni s drevnejshix vremen. Ch. I. M.: Tip. I. K. Gracheva, 1876. 647 s.
9. Koval' V. I. Mifologicheskie verovaniya vostochny'x slavyan. Gomel': GGU im. F. Skoriny', 2016. 271 s.
10. Komatina P. Slavyanskije etnonimy' «Bavarskogo geografa»: istoriko-lingvisticheskij analiz // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2020. № 1 (27). S. 106–137.
11. Kostomarov N. I. Nachalo Rusi. SPb.: Tip. K. Vul'fa, 1860. 32 s.
12. Kuz'min A. G. Nachalo Rusi. M.: Veche, 2003. 432 s.
13. Kulakov V. I. Istorija Prussii do 1283 goda. M.: Indrik, 2003. 432 s.
14. Kulakov V. I. Yantar' — ekonomicheskij i kul'turnyj fenomen v istorii e'stiev i prussov // Slovo.ru. Baltijskij akcent. 2014. № 1. S. 69–79.
15. Lauchyute Yu. A. Slovar' baltizmov v slavyanskix yazy'kax / Akad. nauk SSSR, In-t yazy'koznaniya. L.: Nauka. Leningradskoe otd-nie, 1982. 211 s.
16. Lauchyute Yu. A. Slovoobrazovatel'nyj aspekt leksicheskix zaimstvovanij (na materiale slavyanskix baltizmov). S. 127–131. URL <https://iling.spb.ru/pdf/des/127lau.pdf> (data obrashheniya: 17.03.2021).

17. Lebedev G. S. E`poxa vikingov v Severnoj Evrope i na Rusi. SPb.: Evraziya, 2005. 640 s.
18. Matveenkov V. A., Shhegoleva L. I. Vremennik Georgiya monaxa (Xronika Georgiya Amartola). Russkij tekst, kommentarij, ukazateli. M.: Bogorodskij pechatnik, 2000. 542 s.
19. Matuzova V. I. Anglijskie srednevekovy`e istochniki IX–XIII vv.: Teksty`, perevody`, kommentarii. M.: Nauka, 1979. 268 s. (Drevnejšie istochniki po istorii narodov SSSR).
20. Mejendorf I. Vizantiya i Moskovskaya Rus`: Ocherk po istorii cerkov. i kul`t. svyazej v XIV v. / per. s angl. (Samizdat). Paris: YMCA-press, 1990. 442 s.
21. Mel`nikova E. A. Prostranstvennaya orientaciya v «Povesti vremenny`x let» // Drevnejšie gosudarstva Vostochnoj Evropy`. 2006 god. Prostranstvo i vremya v srednevekovy`x tekstax / RAN, In-t vseobshej istorii; otvet. red. toma G. V. Glazy`rina. M.: Russkij fond sodejstvija obrazovaniju i nauke: Un-t Dmitriya Pozharskogo, 2009. S. 73–94.
22. Miller V. F. Ocherki russkoj narodnoj slovesnosti. T. 1. By`liny` I–XVI. M.: Tip. I. D. Sy`tina, 1897. 464 s.
23. Mojsienko V. M. E`tnoyazy`kovaya prinadlezhnost` «rus`koj movy`» vo vremena Velikogo knyazhestva Litovskogo i Rechi Pospolitoj // Slavyanovedenie. 2007. № 5. S. 45–64.
24. Mstislavskij V. Ognishhanin i knyazh` muzh, ili Sledy` by`ta drevnix slavyanskix knyazej v Russkoj pravde: ist.-kritich. ocherk. M.: Univ. tip., 1861. 39 s.
25. Nazarenko A. V. Nemeczkie latinoyazy`chny`e istochniki IX–XI vekov: teksty`, perevody`, kommentarii / [RAN, In-t ros. istorii]. M.: Nauka, 1993. 240 s. (Drevnejšie istochniki po istorii Vostochnoj Evropy`).
26. Nikolaev S. L. Sem` otvetov na varyazhskij vopros // Povest` vremenny`x let / per. D. S. Lixacheva, O. V. Tvorogova; komment. A. G. Bobrova, S. L. Nikolaeva, A. Yu. Chernova pri uchastii A. M. Vvedenskogo i L. V. Vojtovicha. SPb.: Vita Nova, 2012. S. 398–439. (Biblioteka Vsemirnogo kluba peterburzhcev).
27. Nikolenkova N. V. Antichnaya geografiya v latinskom tekste Atlasa Blau i v cerkovnoslavyanskom perevode XVII v. // Mir nauki, kul`tury`, obrazovaniya. 2018. № 4 (71). S. 500–506.
28. Petr iz Dusburga. Xronika Zemli Prusskoj: [perevod] / izd. podgot. V. I. Matuzova; [RAN, In-t ros. istorii]. M.: Lodomir, 1997. 387 s.
29. Petruxin V. Ya. Rus` v IX–X vekax: ot prizvaniya varyagov do vy`bora very` / In-t slavyanovedeniya RAN. M.: Forum: Neolit, 2011. 464 s.
30. Petruxin V. Ya. Slavyane i Rus` v «Iosippone» i «Povesti vremenny`x let». K voprosu ob istochnikax nachal`nogo russkogo letopisaniya (s publikaciej istochnika) // Slavyane i ix sosedi. Vy`p. 5. Evrejskoe naselenie v Central`noj, Vostochnoj i Yugo-Vostochnoj Evrope. Srednie veka – novoe vremya. M.: Nauka, 1994. S. 44–56.
31. Povest` vremenny`x let / per. D. S. Lixacheva, O. V. Tvorogova; komment. A. G. Bobrova, S. L. Nikolaeva, A. Yu. Chernova pri uchastii A. M. Vvedenskogo i L. V. Vojtovicha. SPb.: Vita Nova, 2012. 512 s. (Biblioteka Vsemirnogo kluba peterburzhcev).
32. Polnoe sobranie russkix letopisej, izdannoe po vy`sochajshemu povelению Arheograficheskoyu komissiiyu. T. 1: I. II. Lavrentievskaya i Troiczskaya letopisi. SPb.: Tip. E`. Pracza, 1846. 298 s.
33. Priselkov M. D. Istoriya russkogo letopisaniya XI–XV vv. SPb.: D. Bulanin, 1996. 325 s. (Studiorum slavicum monumenta / RAN, In-t russkoj literatury` (Pushkinskij Dom). T. 11).

34. Puteshestviya russkix poslov XVI–XVII vv.: Statejny`e spiski / [podgot. Ya. S. Lur`e i R. B. Myuller; otv. red. D. S. Lixachev]. SPb.: Nauka, 2008. 479 s. (Literaturny`e pamyatniki/ Akad. nauk SSSR).
35. Skazanie o Mamaevom poboishhe // Za zemlyu Russkuyu! Pamyatniki lit. Drev. Rusi XI–XV vv. / sost., vstup. stat`ya, komment., podbor miniatyur Yu. K. Begunova. M.: Sovetskaya Rossiya, 1981. S. 282–357.
36. Solov`ev S. M. Istoriya Rossii s drevnejshix vremen. 5-e izd. T. 1. M.: Univ. tip. (Katkov i K^o), 1874. 360 s.
37. Tolstov S. P. «Narczy» i «Voloxi» na Dunae (Iz istoriko-e`tnograficheskix kommentarijev k Nestoru) // Sovetskaya e`tnografiya. 1948. № 2. S. 8–38.
38. Toporov V. N. Balt. *Galind v e`tnolingvisticheckoj i areal`noj perspektive // Problemy` e`tnicheskij istorii baltov: tezisy` dokl. / [red. kollegiya: A. K. Biron (otv. red.) i dr.]. Riga: Zinatne, 1977. S. 122–126.
39. Toporov V. N. Galindy` v Zapadnoj Evrope // Balto-slavyanskije issledovaniya 1982: ezhegodnik / AN SSSR, In-t slavyanovedeniya i balkanistiki. M.: Nauka, 1983. S. 129–138.
40. Fasmer M. E`timologicheskij slovar` russkogo yazy`ka / per. s nem. O. N. Trubacheva. T. 4. M.: Progress, 1987. 867 s.
41. Xaburgaev G. A. E`tnonimiya «Povesti vremenny`x let» v svyazi s zadachami rekonstrukcii vostochnoslavjanskogo glottogeneza. M.: MGU, 1979. 232 s.
42. Xoruzhenko O. I. O veroispovedanii litovskogo velikogo knyazya Ol`gerda // Vestnik Ekaterinburgskoj duxovnoj seminarii. 2016. Vy`p. 1 (13). S. 11–29.
43. Shady`ro V. I. E`tnokul`turnaya situaciya na severe Belarusi nakanune obrazovaniya Poloczkogo gosudarstva (lingvo-arheologicheskij aspekt) // E`tnokul`turny`e processy` na territorii Belarusi v I – nachale II ty`s. nashej e`ry`: materialy` Mezhdunar. nauch. konf., posvyashhennoj 90-letiyu professora E`. M. Zagorul`skogo (g. Minsk, 6–7 dekabrya 2018 g.). Minsk: BGU, 2018. S. 200–207.
44. Shaxmatov A. A. «Povest` vremenny`x let» i ee istochniki // Trudy` otdela drevnerusskoj literatury`. T. IV. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1940. S. 9–150.
45. Shaxmatov A. A. Skazanie o prizvanii varyagov. SPb.: Tip. Akademii Nauk, 1904. 82 s.
46. Bogucki M. The archaeological Context of the Bodzia Cemetery and the Trade Route along the Middle and the Lower Vistula during the Middle and Late Viking Period // Bodzia: A Late Viking Age Elite Cemetery in Central Poland / ed. A. Buko. Leiden-Boston: Brill, 2015. P. 9–33.
47. Chronique dite de Nespor / trad. rar L. Leger. Paris: E. Leroux, 1884. XXVIII + 399 p.
48. Constantinus Porphyrogenitus. De administrando imperio / ed. Gy. Moravcsik. Washington: Dumbarton Oaks, 1967. 342 p.
49. Die Nestorchronik. Übersetzt von L. Müller. München: W. Fink, 2001. XXXVII + 366 s.
50. Einhardus. Vita Karoli Magni. Hannoverae: Impensis bibliopolii Hahniani, 1905. 52 p.
51. Ekblom R. Die Warager im Weichselgebiet // Archiv für Slavische Philologie. Berlin, 1925. Bd. 39. P. 185–211.
52. The Russian Primary Chronicle Laurentian Text / tr. and ed. by S. H. Cross, O. P. Sherbowitz-Wetzor. Cambridge; Massachusetts: The Medieval Academy of America, 1953. 313 p.

53. Wawrzeniuk J. The Role of Fire in the Posthumous Customs of Podlachia on Border of Poland and Belarus // *Studia Myphologia Slavica*. 2020. Vol. 23. P. 159–170.
54. Zaoral R. Silver and Glass in Medieval Trade and Cultural Exchange Between Venice and the Kingdom of Bohemia // *The Czech Historical Review*. 2011. Iss. 109. P. 284–310.

A. E. Vinogradov

**The Ethnogeography of the Tale of Bygone Years and the Problem
of the Varangians Localization**

The ethnic area of the Varangians mentioned in the chronicles as the founders of the Russian state can be determined by specifying the coordinates of the neighboring peoples and territories listed in the ethnogeographic introduction of the Tale of Bygone Years. The location of the tribes accompanying the Varangians is usually defined as North or West European, but such localization contradicts both the chronicle forms of ethnonyms and the historical data on the geographical knowledge of Ancient Rus. Such an ethnonym as Agnyane is rather an ethno-confessional term applied to the population of the southern part of the Baltic region. The word Galicianae denotes the Slavicized part of the Baltic tribe Galindae. All this makes it possible to localize the Vikings on the southern and eastern parts of the coast and the islands of the Baltic Sea.

Keywords: Varangians; «The Tale of Bygone Years»; ethnogeography; Agnyans; Ognischans.